

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF ART TO REALITY IN THE WORK OF I.F. ANNENSKY

Novikova Ulyana Viktorovna^{1*}

Associate Professor, Department of Russian Language,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia.

Ghodrati Asghar²

Assistant professor of Russian Language at Russian Language and Literature at
Allameh Tabataba'i University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: April, 2024; date of acceptance: June, 2024)

Abstract

This article explores the complex relationship between art and reality in the works of I.F. Annensky, a poet whose oeuvre has elicited varied interpretations over the years. The late 19th century, particularly the last three decades, is characterized by an inner contradiction: a profound disillusionment with populism and a loss of life's coherence (often termed the "philosophy of pessimism"), juxtaposed with a relentless quest for the ideal and new meanings of existence. The article highlights a growing trend towards historicism in thought, evident in Annensky's work, which reflects a return to the experiences of past centuries. His literary and civic stances were often perplexing to contemporaries, and even today, scholarly opinions remain divided. While Annensky's early lyrics resonate with Symbolism and modernist trends, this study reveals a deep-seated desire to engage with and comprehend reality. The authors conclude that Annensky's artistic vision emerged from a confluence of complementary yet sometimes conflicting influences, with a persistent focus on the representation of reality at its core.

Keywords: I.F. Annensky, Art, Poetry, Reality, Realism, Russian Poetry, Poetic Space.

1. E-mail: uliana_novik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6396-4419> * Corresponding author

2. E-mail: asghar_ghodrati@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0002-6803-8211>

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ ИСКУССТВА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.Ф. АННЕНСКОГО

Новикова Ульяна Викторовна^{1*}

Доцент кафедры русского языка Кубанского государственного
технологического университета,
Краснодар, Россия.

Годрати Асгар²

Старший преподаватель русского языка университета им. Алламе Табатабаи,
Тегеран, Иран.

(дата получения: апрель 2024 г.; дата принятия: июнь 2024 г.)

Аннотация

В данной статье рассмотрены особенности отношения искусства к действительности в творчестве И.Ф. Анненского, поэта, чье творчество долгие годы вызывает неоднозначные интерпретации исследователей. Если говорить обобщенно, то феноменом поколения трех последних десятилетий XIX века можно назвать внутреннюю противоречивость: с одной стороны, болезненное разочарование в народничестве, утрата ощущения цельности и смысла жизни («философия пессимизма»), с другой – отчаянная, упорная борьба за идеал активной личности, поиск нового смысла и ценности бытия. При этом важно отметить нарастающую тенденцию к историзму мышления, возвращение к осмыслению опыта прошедших веков, что ярко прослеживается в творчестве И.Ф. Анненского. И литературная, и гражданская позиции Анненского казались непонятными многим его современникам. И сегодня, несмотря на многочисленные исследования, мнения также неоднозначны. Конечно, ранняя лирика И.Ф. Анненского не могла не быть отражением веяний символизма и других модернистских течений в литературе и искусстве в целом, но, как показано в статье, уже в ранних стихотворениях поэта можно найти глубокие признаки стремления к осознанию реальности, а не к уходу от нее. Авторы приходят к выводу, что художественный мир И.Ф. Анненского формировался под воздействием множества взаимодополняющих, а порой и взаимоисключающих тенденций, но основой его всегда являлось отображение действительности.

Ключевые слова: И.Ф. Анненский, искусство, поэзия, действительность, реализм, русская поэзия, поэтическое пространство.

1. E-mail: uliana_novik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6396-4419>

* Ответственный автор

2. E-mail: asghar_ghodrati@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0002-6803-8211>

Введение

В данной статье рассмотрена проблема отношения искусства к действительности в творчестве И.Ф. Анненского через интерпретацию мотива творчества в лирике поэта. Удалось установить, что уже в ранних стихотворениях И.Ф. Анненского есть контекстуально-ассоциативные компоненты значения, указывающие на высокую степень стремления к изображению реальности. Материалом данного исследования стало поэтическое пространство И.Ф. Анненского. В работе использовались следующие методы: комплексного анализа художественного текста, сравнительно-сопоставительный, компонентного анализа, анализа контекстуально-ассоциативных элементов художественного текста. Новаторство исследования заключается в выявлении уникальных смысловых элементов поэтического пространства И.Ф. Анненского, которые подтверждают его глубинное стремление к осознанию и описанию действительности.

История исследования

На протяжении XX века поэтическое творчество Анненского не раз получало высокую оценку ведущих литературоведов: В.О. Перцова, Л.Я. Гинзбург, П.П. Громова, В.Н. Орлова, В. Цыбина, В.И. Гитина и других. Однако изучалось оно лишь как одно из составляющих общей картины литературного процесса конца XIX – начала XX века и в основном в контексте развития русского символизма. Данная узость подхода в изучении лирики Анненского привела к тому, что до сих пор, несмотря на многократно отмечаемую исследователями специфичность творческой манеры поэта, его по-прежнему иногда именуют символистом (Е.В. Ермилова), эстетом, продолжающим европейские традиции (Г.М. Пономарева, И.В. Черилево), экзистенциалистом (Р.С. Спивак). В. Смирнов называет «устойчивой» для

нашего литературоведения манеру писать об Анненском как об эстете, декаденте (Смирнов 1996. 2).

Важное и большое влияние на формирование художественного сознания И.Ф. Анненского оказала сама атмосфера последних трех десятилетий XIX века. Это было время больших и серьезных социальных изменений в России (Токарев, Яхьяпур 2022. 119-134; Токарев, Яхьяпур 2024. 93-105).

Сам Иннокентий Федорович и в «Автобиографии», и в статье «Клара Милич. Умиравший Тургенев» не раз подчеркивает глубокую личную причастность к поколению 70-х годов. Например, размышляя об образе Купфера, он пишет: «И что же общего у него с концом 70-х годов, когда заставил его жить Тургенев? Неужто Купфер читал брошюру Драгоманова [по замечанию А.В. Федорова, брошюры данного автора были характерным чтением студента конца 70-х годов XIX века] и переживал вместе с нами «Четыре дня» Гаршина? Неужто это для него тонкая улыбка Глеба Успенского так скорбно осветила весь романтизм *ст арых* народников?» (Анненский 2013. 39). Такой взгляд на происходящее мы видим не только в литературно-критических работах Анненского. Известно, что помимо самого Анненского в семье его старшего брата Николая Федоровича Анненского воспитывался и другой юноша – Ваня Ермолаев, который был участником акта 1881 года против Александра II (Петрова 2002. 8-9).

Характеризуя современную ему поэзию, Иннокентий Анненский в статье «О современном лиризме» писал: «Новая поэзия?... Шутка сказать... Разберись-ка в этом море...» (Анненский 2013. 335). Александр Блок еще в 1908 году заметил, что под именем декадентов и символистов «принято соединять людей крайне различных между собою» (Блок 1962. 341). Действительно, пути и судьбы русских поэтов конца XIX – начала XX века оказались «розными и разными, и тем не менее было все же нечто общее, что <...> объединяло их, особенно на первых порах, в границах одного

мировоззрения и одной эстетики» (Орлов 1985. 19). Этим общим был взгляд на вопрос об отношении искусства к действительности. Последняя [действительность] не имела в эстетике символистов самостоятельной ценности, а присутствовала в виде некоего внешнего покрыва, таящего в глубине своей нечто более важное, грозное и хаотическое, но невидимое простым глазом. Формула Гете «Все преходящее есть только символ» получила в их толковании абсолютное значение. Эта идея нашла развитие в излюбленном символистами стихотворении Владимира Соловьева:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий –
Только отзвук искаженный
Торжествующих созвучий?

Искусство и действительность в творчестве И.Ф. Анненского

Проблема отношения искусства к действительности волновала и Иннокентия Анненского. Взгляд на эту проблему претерпел существенную эволюцию. Надо отметить, что это была именно эволюция, то есть постепенное развитие тех мыслей и принципов, истоки которых находим уже в раннем творчестве. Реальная жизнь, окружавшая поэта, никогда не была для него только «символом», просто «подобием». Еще в 1883 году, задолго до появления первых манифестов и стихотворных сборников русских символистов, Анненский утверждал, что «только одна любовь к людям может возвысить человека и дать ему настоящую цель в жизни». «Едва ли не самое

главное для поэта», – продолжает он, – направить «наши симпатии в тот мир обездоленных, униженных и оскорбленных, который не может и не должен оставаться вне лучшей цели человеческой жизни» (Анненский 2013. 235-237).

В литературоведении тему творчества в лирике И. Анненского традиционно связывают с темой мучительности обыденного существования, желанием уйти от общественных проблем, стремлением к идеалу.

М.М. Бахтин, пытаясь раскрыть глубинные основы творчества.

И. Анненского, в лекциях по истории русской литературы говорил о его лирике: «основная тема поэзии Анненского – отраженная, теневая жизнь. Когда-то смысл в жизни был, но осталась лишь тоска припоминания. Невозможность восстановить утраченный смысл выражают: фраза, в которой не хватает самого важного слова, чтобы осмыслить ее, залитая чернилами страница, бессмысленный плач детей... В «Посылке» из «Баллады» Анненский вживается в трубы солдат, и вся его поэзия кажется ему таким же недоумением, как доносящееся издали пение труб» (Бахтин, Анненский. <http://annensky.lib.ru.htm>). Не станем сейчас оспаривать представленные выводы, являющиеся вполне традиционными для нашего литературоведения.

Попытаемся проследить малоизученные особенности развития мотива творчества в лирике И. Анненского, полагая, что именно они в сложной и многокрасочной картине художественного мира поэта явились в конечном итоге определяющими.

В ранней лирике поэту не всегда удавалось преодолеть тяготение к символизму, но в поздних стихотворениях И. Анненского отчетливо звучит мысль о невозможности для истинного поэта какого бы то ни было ухода от действительности.

В стихотворении «Поэту» эта мысль выражена точно и ясно:

В раздельной четкости лучей

И в чадной слитности видений

Всегда над нами – власть вещей
С ее триадой измерений.
И грани ль ширишь бытия
Иль формы вымыслами множишь,
Но в самом Я от глаз Не Я
Ты никуда уйти не можешь...

Мысль о действительности, которая служит первоосновой любого творчества, пронизывает все это стихотворение. И. Анненский осознает, что поэзия без реальности, как и поэт без общества, – ничто, лишь «чадная слитность видений». Целостное, «целокупное», как он пишет, восприятие мира невозможно, если поэт полностью погружен только в собственные ощущения и переживания.

Главный смысловой, идейный центр названного стихотворения – признание поэта: «власть вещей», неразрывное единство «я» и «не я» не только не угнетает, но, более того, власть реальной действительности, земной человеческой жизни становится «маяком», путеводной звездой:

Та власть маяк, зовет она,
В ней сочетались бог и тленность...
«Поэту»

В одной из работ тонкого ценителя лирики И. Анненского О. Ронена содержится комментарий к этому стихотворению, который косвенно подтверждает наши выводы: «Стихотворение «Поэту», опубликованное спустя полвека после смерти Иннокентия Анненского, посвящено проблеме «я» и «не-я» в двуедином плане художественной критики и философского критицизма. В философии термином «не-я» в смысле «объект» пользовался Фихте, заключавший в этом абстрактном понятии природу как чисто

объективное, и Шеллинг, говоривший, однако, о единстве субъективного и объективного во всех сферах. Адресовано стихотворение Анненского не Гумилеву, как считал мой покойный профессор в Гарварде В. М. Сечкарев, и не Валентину Кривичу, как предположил Ф. Ингольд, а – дидактически – обобщенному поэту» (Holthusen 1984. 453).

И. Анненский уверен, в мире нет ничего кроме жизни, обычной жизни людей. Но именно в ней, а не среди туманности иных миров заключено возвышенное и земное, «бог и тленность», уродливое несовершенство и божественная красота человеческого гения.

Как видим, проблема отношения поэзии к действительности волновала

И. Анненского, и реальная жизнь, окружавшая поэта, никогда не была для него только «символом», просто «подобием». Еще в 1883 году, задолго до появления первых манифестов и стихотворных сборников русских символистов, И. Анненский утверждал, что «только одна любовь к людям может возвысить человека и дать ему настоящую цель в жизни <...> Едва ли не самое главное для поэта – направить наши симпатии в тот мир обездоленных, униженных и оскорбленных, который не может и не должен оставаться вне лучшей цели человеческой жизни» (Анненский 2013. 235-237).

Следовательно, уже в ранних своих выступлениях и статьях И. Анненский во взгляде на роль и назначение искусства, в частности поэзии, отстаивает лучшие гуманистические традиции русской классической литературы. В неопубликованном предисловии к первому сборнику своих стихов «Тихие песни» Анненский подчеркивает мысль о единстве истинного поэта с внешним миром: «Мир, освещаемый правдивым и тонким самоанализом поэта, не может не быть страшен, но он не будет мне отвратителен, потому что он – я» (Анненский 1979. 206).

Из такого понимания органической связи поэта и действительности, «я» и «не я» вытекает мысль о невозможности для Анненского видеть в окружающей жизни «только отблеск, только тени».

Взгляды И. Анненского на вопрос об отношении искусства к действительности отразились и на его представлении о роли и назначении поэта.

В трактовке теоретиков символизма А. Белого и В. Иванова, поэт – это творец жизни, не просто художник, но тайновидец и тайнотворец жизни. В первом сборнике стихов А. Белого «Золото в лазури» (1904 г.) поэт прямо является в облике пророка, «нового Христа», предсказания его носят открыто апокалиптический характер.

Откликаясь на бурное обсуждение облика поэта в литературе начала века, И. Анненский писал: «Кажется, нет предмета в мире, о котором бы сказано было с такой претенциозностью и столько банальных гипербол, как о поэзии <...> Идеальный поэт поочередно, если не одновременно, являлся и пророком (я уже не говорю о богах), и кузнецом, и гладиатором, и Буддой, и пахарем, и демоном, и еще кем-то, помимо множества стихийных и вещественных уподоблений <...> Кто-кто не указывал поэту целей и не рядил его в собственные обноски?» (Анненский 2013. 201-202).

Взгляд символистов на поэта как на пророка, мессию является следствием признания самоценного значения искусства, низведения действительности до уровня всего лишь «внешнего покрыва».

Чуждая догматизма, поэзия И. Анненского никогда не претендовала на роль спасителя и наставника человечества. Болезненно совестливый, чуткий к правде человеческого чувства, Иннокентий Анненский видел фальшь и искусственность в попытках своих современников предстать в облике «творцов жизни». В статье «Что такое поэзия?» Анненский замечает: «<...> мне решительно нечему учить <...> Конечно, мысль, этот прилежный

чертежник, вечно строит какие-нибудь схемы, но, к счастью, она тут же и стирает их без особого сожаления» (Анненский 1979. 202).

И. Анненский не просто не способен поставить свое «я» превыше всего. Под маской поэтического своеволия он слишком хорошо видит всего лишь беспомощность, малодушное бегство от жизни. И как бы ни манила «волшебная сказка», поэт не хочет обмана, он находит в себе силы вернуться к грубой реальности и трезво оценивать происходящее.

В составе «Кипарисового ларца» было напечатано стихотворение «Другому», которое можно считать продолжением размышлений И. Анненского о проблеме связи поэзии и поэта с действительностью. Стихотворение не датировано, но спокойный, неторопливый тон его, обдуманная взвешенность каждой строки, четкость мысли, простота стиля – бесспорно, результат многих лет работы мысли:

Я полюбил безумный твой порыв,
Но быть тобой и мной нельзя же сразу,
И вещей снов иероглифы раскрыв,
Узорную пишу я четко фразу.

...

Ты весь – огонь. И за костром ты чист.
Испепелишь, но не оставишь пятен.
И бог ты там, где я лишь моралист,
Ненужный гость, неловок и невнятен.

...

Пройдут года... Быть может, месяца...
Иль даже дни, и мы сойдем с дороги:
Ты – в лепестках душистого венца,
Я просто так, задвинутый на дроги.

«Другому»

Как видим, поэт не сомневается в том, что безумство порыва, божественный огонь – далеко не самая лучшая, тем более истинная часть его души. Гордится же он, ценит в себе верность, искренность слов, целомудренность мысли:

Твои мечты – менады по ночам,
И лунный вихрь в сверкании размаха
Им волны кос взметает по плечам.
Мой лучший сон – за тканью Андромаха.
«Другому»

Не случайно поэт выбирает образ Андромахи, земной женщины, – воплощение любви и верности. Не блеск иных миров, а именно человеческое чувство близко поэту.

Ровность интонации, эпическая неторопливость повествования свидетельствуют о глубокой уверенности поэта в истинности выбранного пути. В стихотворении «Другому» И. Анненский надеется, что именно это земное, человеческое «я» как самое ценное в его поэзии будет понято и принято потомками.

Поэт не переоценивает своей роли и значения. Отчетливо сознавая слабость и недостатки свои и своих современников, И. Анненский надеется на будущее поколение, которое должно стать лучше, совершеннее, сильнее нынешнего. Мечтая о том, другом поэте будущего, который «полюбит, и узнает, и поймет» душу своего предшественника, И. Анненский добавляет:

Пусть только бы в круженьи бытия
Не вышло так, что этот дух влюбленный,
Мой брат и маг не оказался я
В ничтожестве слегка лишь подновленный.

Идейное содержание стихотворения «Другому» свидетельствует о развитии мировоззрения поэта. Причем особенность этой эволюции в том, что «лирика Анненского с годами не столько уходила по содержанию от своих истоков, сколько развевала и значально заложено в ней ядро» (Максимов 1981. 97). И победа реального, земного, человеческого в его душе явилась отражением развития взгляда поэта на более общую философско-эстетическую проблему отношения поэзии и поэта к действительности.

Только реальная действительность, по мнению Анненского, может дать поэту все богатство, прелесть и полноту ощущений, ибо никакое искусство не может соперничать с жизнью по глубине переживаний, яркому разнообразию красок – таков общий вывод И. Анненского.

Анненский уверен, что творения истинно великих художников живут в веках именно потому, что их авторы черпали вдохновение из неиссякаемого источника жизни:

Красой открытого лица
Влекла Орфея пиреида...
«Поэту»

И напротив, все ирреальное, «запредельное» есть лишь химера, обман, не достойный внимания поэта:

Ужель достойны вы певца,
Покровы кукольной Изиды?
«Поэту»

В древнеегипетской мифологии Изида (Исида) была богиней не только плодородия, воды и ветра, но и покровительницей волшебства (Токарев. 476). Это значение менее известно, но И. Анненскому, тонкому знатоку античной культуры и мифологии, оно, бесспорно, было знакомо. Именно такое

объяснение вытекает из контекста, помогает глубже раскрыть идейное содержание стихотворения. В облике Изиды, богини волшебства, поэт объединил все неестественное, искусственно созданное, колдовское. Справедливость такого толкования подчеркивают и строки из самого стихотворения:

Нет, не уйти от власти их вещей
За волшебством воздушных пятен...
«Поэту»

Таким образом, поэт у И. Анненского – личность тонко чувствующая, стремящаяся увидеть и воплотить в искусстве прелесть и очарование красоты мира. Поэт в восприятии И. Анненского не должен бежать от глаз «Не я», замыкаясь в собственном тесном мире, его назначение – смело и открыто идти навстречу жизни, постигая «нагие грани бытия».

В связи с развитием мотива творчества в лирике И. Анненского актуализируются следующие контекстуально-ассоциативные компоненты значения: «реальность», «жизнь», «целостность», «осознанность».

Главной целью творчества, в частности поэзии, И. Анненский считает пробуждение сознания в другом человеке. В письме А. Н. Веселовскому (17 ноября 1904 г.) И. Анненский пишет: «<...> я занялся рефератом об эстетическом моменте новой русской литературы. Целью моей было обратить внимание на интересность новых попыток п о в ы с и т ь н а ш е ч у в с т в о р е ч и, т.е. попыток внести в русское сознание более широкий взгляд на слово как на в о з б у д и т е л я, а не только в ы р а з и т е л я мысли» (Анненский 2013. 592).

В статье «Что такое поэзия?» И. Анненский пишет о «поэтическом гипнозе», который «оставляет свободной мысль человека и даже усиливает в ней ее творческий момент» (Анненский 2013. 202). И продолжает, говоря о

назначении и роли поэта: «Поэт не создает образов, но он бросает веками проблемы» (Анненский 2013. 203).

В одном из писем А.В. Бородиной (29 ноября 1899г.) И. Анненский признается: «Нисколько не смущаюсь тем, что работаю исключительно для будущего» (Анненский 2013. 447).

Эта устремленность в будущее, надежда на полное понимание читателем будущего, возможно, и явилась основой для формирования образа поэта в стихотворении «Мысли-иглы»:

«И снится мне, что когда-нибудь здесь вырастет другое дерево, высокое и гордое. Это будет поэт, и он даст людям счастье, которое только могут вместить их сердца».

Таким образом, творчество для Иннокентия Анненского – это способ постижения мира и себя в мире. Поэзия – отражение действительности, и она, какой бы глубокой ни была, не может отразить мир во всем его многообразии, это всегда только снимок, рисунок, мгновение. Настоящий большой поэт, по мнению И. Анненского, всегда должен ориентироваться на действительность, жизнь, и только такая поэзия может быть востребована в будущем.

Важно отметить, что главная цель творчества, по мнению И. Анненского, заключается в пробуждении сознания читателя, и, как следствие, в укреплении его осознанного отношения к действительности, в усилении чувства ответственности за происходящее.

Поэт, в восприятии И. Анненского, не должен уходить от действительности, создавая «идеальный мир» и замыкаясь внутри него. Напротив, основной задачей поэта должно стать стремление к реальности, единению с окружающим миром. Особенно важно для поэта тонко чувствовать и уметь выразить в творчестве даже грубые и трагические моменты реальной жизни. Именно эти условия считает И. Анненский необходимым залогом существования и развития поэзии.

Данные выводы подтверждаются актуализированными в связи с развитием мотива творчества в лирических текстах Анненского контекстуально-ассоциативными компонентами значения: «действительность», «жизнь», «сострадание», «реальность», «целостность», «осознанность», «труд», «совесть», «ответственность», «понимание», «будущее».

Многие из перечисленных компонентов значения были выявлены и при интерпретации других доминантных мотивных центров лирики поэта, т.е. общая контекстуальная валентность данных компонентов значения достаточно высока. При анализе лирических текстов данные компоненты значения легко обнаруживаются и имеют широкое поле ассоциативно-контекстных интерпретаций, что позволяет рассматривать их как глубинные, стержневые центры поэтического пространства лирики И. Анненского, и как обозначение основ его эстетических взглядов.

То, что именно данные «словесные константы» являются основой эстетики Анненского-поэта подтверждают и идеи поэта, высказанные в критических статьях и письмах.

Например, в черновых набросках доклада «Об эстетическом критерии», работе над которым Анненский посвятил последние месяцы жизни и который должен был состояться 11 декабря 1909 года в Санкт-Петербургском Литературном обществе, Анненский писал: «Идеал <...> – стремление к справедливости, уважение к страданию, гуманность <...> Я должен любить людей, т.е. я должен бороться с их зверством и подлостью всеми силами моего искусства и всеми фибрами существа. Это не должно быть доказываемо отдельными пьесами, это должно быть <...> определителем моей жизни <...> Дело не в морали, а в раздумье, скромности, сомнении и сопротивлении» (Петрова. <http://annensky.lib.ru.htm>).

В статье «Мечтатели и избранник», вошедшей в «Книги отражений». И. Анненский пишет: «Мечтатель любит только себя... Поэт, напротив,

беззаветно влюблен в самую жизнь. Поэту тесно в подполье и тошно, тошно от зеленой жвачки мечтателей» (Анненский 2013. 120). Эта же мысль звучит и в одном из черновых вариантов названной статьи: «Красота может быть, по моему, только жизнью...» (Чуковский 1979. 15). Таким образом, сам поэт не оставляет сомнений в том, как должно интерпретировать основу его эстетических взглядов. Нравственные и эстетические идеалы И. Анненского совпадают.

В статье «Художественный идеализм Гоголя» (1902 г.) есть такая мысль: «У поэзии свои законы и своя правда, и из всех гуманитарных целей она знает только две: сближение людей и их оправдание» (Анненский 2013. 459). И. Анненский призывал вернуть поэзию к живому нравственно-психологическому и интеллектуальному опыту человека, воплощающемуся в «будничном» слове. В этом он видел выход из тупика индивидуализма и новые перспективы литературного развития. Источником поэзии, по Анненскому, должна стать «чаша коллективного мыслестрадания» (Анненский 2013. 477). Культу творческого **я** он противопоставил идею поэта, закрепляющего «своим именем невидную работу поколений» (Анненский 2013. 477).

Заключение

Важно отметить, что И.Ф. Анненский многократно выражает свое мнение по поводу отношения искусства к действительности не только в письмах и критических статьях, но и в своем поэтическом пространстве, создавая образы-символы, которые пробуждают сознание в читателе, заставляют думать о процессах, происходящих в обществе, быть ближе к реальности.

Главной задачей поэта И.Ф. Анненский считает именно стремление к изображению реальности, способность тонко чувствовать ее, уметь выразить в своем творчестве даже самое трагическое.

В связи с мотивом творчества в лирике И.Ф. Анненского актуализируются следующие контекстуально-ассоциативные компоненты значения: «действительность», «жизнь», «сострадание», «реальность», «целостность», «осознанность», «труд», «совесть», «ответственность», «понимание», «будущее». Что еще раз подтверждает стремление поэта осознавать происходящее и отображать в своем творчестве.

Литература

- 1- Анненский И. Ф. (1979). *Вторая книга отражений: Иннокентий Ф. Анненский*. М.: «Наука»,
- 2- Бахтин М. М. *Анненский (из «Лекций по истории русской литературы»)*. Бахтин М.М. Собрание сочинений, (7), 1922-1927. Available at: <http://annensky.lib.ru/notes/bahtin.htm> [6/8/2023]
- 3- Гинзбург Л. (1964). *О лирике*, М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 381 с.
- 4- Гитин В.И. (1995). *Анненский*. История русской литературы: XX век: Серебряный век. — М.: Прогресс: Литера, — С. 171 — 179.
- 5- Громов П. П. (1986). *Ранний Блок-лирик, его предшественники и современники*. // П.П. Громов. А. Блок, его предшественники и современники. — Изд. 2-е, доп. —Л.: Советский писатель, — С. 80–82.
- 6- Ермилова Е. В. (1987). *Поэзия Иннокентия Анненского*. Анненский ИФ Избранное. М.: Советская Россия, — С. 5-22.
- 7- Максимов Д. Е. (1981). *Поэзия и проза Ал. Блока*. Sov. pisatel', Leningradskoe otd-nie.
- 8- Токарев С.А. (1991). *Мифы народов мира*. Энциклопедия: В 2 тт./ Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, - 671 с.
- 9- Орлов А.В. (1985). *Юношеская биография И. Анненского/Рус. Лит.*— 1985.— № 2. — С. 169–175.
- 10- Перцов В. О. (1961). *Писатель и новая действительность*. — Изд. 2-е, доп. — М.: Советский писатель.
- 11- Петрова, Г. В. *Неизвестный Анненский (по материалам архива ИФ Анненского в РГАЛИ)*. <http://annensky.lib.ru.htm>

- 12- Чуковский К. (1979). *Я почувств вавал т акую горькую вину перед ним...* Вступ. заметка, публ. и коммент. И. Подольской//Вопросы литературы, (8), –С. 299-306.
- 13- Пономарева Г. М. (1986). *Философско-эстетические взгляды Иннокентия Анненского*. Тартуский государственный университет. Тезисы докладов по гуманитарным и естественным наукам. Русская литература. Тарту, 31-34.
- 14- Смирнов, В. (1996). *Голос вне хора*. Литература, – 1996.– № 26.– С.2-3.
- 15- Спивак Р. С. (2009). *И. Анненский-лирик как русский экзистенциалист // Иннокентий Фёдорович Анненский. 1855–1909. Материалы и исследования*. М.: Изд-во Лит. ин-та им. М. Горького, – С. 57–66.
- 16- ТОКАРЕВ Г. В., & ЯХЬЯПУР М. (2022). *ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л. Н. ТОЛСТОГО*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury, 10(2), – С. 119–134.
- 17- ТОКАРЕВ Г. В., & ЯХЬЯПУР М. (2024). *ТАКТИКИ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ЛН ТОЛСТОГО В ДНЕВНИКАХ СА ТОЛСТОЙ*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury, 12(1), – С. 93-105.
- 18- Цыбин В.Д. (1981). *Судьба и поэзия И. Анненского // Анненский И.Ф. Стихотворения и переводы*.– М.: Современник.
- 19- Черняева И. В. (1986). *Жанровое своеобразие «Кипарисового ларца» И. Анненского*. Русская поэзия XVIII-XIX вв.: Жанровые особенности. Мотивы. Образы. Язык. Куйбышев, – С. 128-137.
- 20- Holthusen, J. (1984). *Text, Symbol, Weltmodell: Johannes Holthusen zum 60. Geburtstag* (Vol. 6). O. Sagner. – PP. 451-455.

Bibliography

- 1- Annenskii I. F. (1979). *Vtoraiia kniga otrazhenii: Innokentii F. Annenskii*. М.: «Nauka»,
- 2- Bakhtin M. M. *Annenskii (iz «Lektzii po istorii russkoi literatury»)*. Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii, (7), 1922-1927. Available at: <http://annensky.lib.ru/notes/bahtin.htm> [6/8/2023]
- 3- Ginzburg L. (1964). *O lirike*, М.; L.: Sov. pisatel', 1964. 381 s.
- 4- Gitin V.I. (1995). *Annenskii. Istoriia russkoi literatury: KhKh vek: Serebrianyi vek*. — М.: Progress: Litera, — S. 171 — 179.

- 5- Gromov P. P. (1986). *Rannii Blok-lirik, ego predshestvenniki i sovremenniki*. // P.P. Gromov. A. Blok, ego predshestvenniki i sovremenniki. – Izd. 2-e, dop. –L.: Sovetskii pisatel', – S. 80–82.
- 6- Ermilova E. V. (1987). *Poeziia Innokentii Annenskogo*. Annenskii IF Izbrannoe. M.: Sovetskaia Rossiia, – S. 5-22.
- 7- Maksimov D. E. (1981). *Poeziia i proza Al. Bloka*. Sov. pisatel', Leningradskoe otdnie.
- 8- Tokarev S.A. (1991). *Mify narodov mira*. Entsiklopediia: V 2 tt./ Gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sovetskaia entsiklopediia, - 671 s.
- 9- Orlov A.V. (1985). *Iunosheskaia biografiia I. Annenskogo*//Rus. Lit.– 1985.– № 2. – S. 169–175.
- 10- Pertsov V. O. (1961). *Pisatel' i novaia deistvitel'nost'*. – Izd. 2-e, dop. – M.: Sovetskii pisatel'.
- 11- Petrova, G. V. *Neizvestnyi Annenskii (po materialam arkhiva IF Annenskogo v RGALI)*. <http://annensky.lib.ru.htm>
- 12- Chukovskii K. (1979). *Ia pochuvstvoval takuu gor'kuiu vinu pered nim....* Vstup. zametka, publ. i komment. I. Podol'skoi//Voprosy literatury, (8), –S. 299-306.
- 13- Ponomareva G. M. (1986). *Filosofsko-esteticheskie vzgliady Innokentii Annenskogo*. Tartuskii gosudarstvennyi universitet. Tezisy dokladov po gumanitarnym i estestvennym naukam. Russkaia literatura. Tartu, 31-34.
- 14- Smirnov, V. (1996). *Golos vne khora*. Literatura, .– 1996.– № 26.– S.2-3.
- 15- Spivak R. S. (2009). *I. Annenskii-lirik kak russkii ekzistentsialist* // Innokentii Fedorovich Annenskii. 1855–1909. Materialy i issledovaniia. M.: Izd-vo Lit. in-ta im. M. Gor'kogo, – S. 57–66.
- 16- TOKAREV G. V., & IaKh"JaPUR M. (2022). *OSOBNOSTI KONTSEPTUALIZATsII ISKUSSTVA V PUBLITSISTIKE L. N. TOLSTOGO*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 10(2), – S. 119–134.
- 17- TOKAREV G. V., & IaKh"JaPUR M. (2024). *TAKTIKI KhARAKTERIZATsII LN TOLSTOGO V DNEVNIKAKh SA TOLSTOI*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 12(1), – S. 93-105.
- 18- Tsybin V.D. (1981). *Sud'ba i poeziia I. Annenskogo* // Annenskii I.F. Stikhotvoreniia i perevody.– M.: Sovremennik.

- 19- Cherniaeva I. V. (1986). *Zhanrovoe svoeobrazie «Kiparisovogo lartsa» I. Annenskogo*. Russkaia poeziia KhVIII-KhIKh vv.: Zhanrovye osobennosti. Motivы. Obrazy. Iazyk. Kuibyshev, – S. 128-137.
- 20- Holthusen, J. (1984). *Text, Symbol, Weltmodell: Johannes Holthusen zum 60. Geburtstag* (Vol. 6). O. Sagner. – PP. 451-455.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Novikova Ulyana Viktorovna, Ghodrati Asghar (2024). THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF ART TO REALITY IN THE WORK OF I.F. ANNENSKY. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(2), 153-173.

DOI: 10.61186/iarll.24.8

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/319>

دشواری رابطه هنر با واقعیت در آثار ای.ف. آنسکی

اولیانا ویکتورونا نوویکوا^{1*}

دانشیار گروه زبان روسی دانشگاه دولتی فنی کوبان،
کراسنادر، روسیه.

اصغر قدرتی²

استادیار گروه زبان روسی دانشگاه علامه طباطبائی،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: آوریل 2024؛ تاریخ پذیرش: ژوئن 2024)

چکیده

در مقاله پیش رو ویژگی‌های رابطه هنر با واقعیت در آثار شاعر، آنسکی که آثار وی سالیان دراز موجب ارائه تفسیرهای مبهمی از سوی پژوهشگران گردیده، بررسی شده است. در جمع بندی این موضوع باید گفت که در پدیده نسل سه دهه آخر قرن نوزدهم می‌توان شاهد «ناسازگاری درونی» بود: از یک سو شاهد ناامیدی دردناک از نارودنیک‌ها و از دست دادن حس یکپارچگی و مفهوم زندگی («فلسفه بدبینی») هستیم؛ از سوی دیگر شاهد مبارزه ناامیدانه و مداوم برای ایده‌آل یک شخصیت فعال و جستجوی مفهوم و ارزش نو در وجود و هستی هستیم. در عین حال باید بر گرایش روزافزون در مورد تاریخ‌گرایی اندیشه و بازگشت به درک تجربه قرون گذشته تأکید کرد که به وضوح در آثار ای.ف. آنسکی قابل مشاهده است. مواضع ادبی و شهروندی آنسکی برای بسیاری از هم‌عصران وی دور از درک است و امروزه با وجود پژوهش‌های بسیار صورت گرفته، نظرات یکسان نیستند. البته نخستین غزل‌های ای.ف. آنسکی نمی‌توانست بازتابی از نمادگرایی و دیگر جریان‌های مدرنیستی در ادبیات و هنر را به شکل کلی نمایش دهد، اما همانگونه که در مقاله گفته شد، در نخستین شعرهای شاعر می‌توان نشانه‌های عمیقی از تمایل به درک واقعیت و نه فرار از آن را یافت. نویسندگان مقاله اینگونه نتیجه‌گیری می‌کنند که دنیای هنر ای.ف. آنسکی تحت تأثیر بسیاری از روندهای مکمل و گاه متقابل منحصر به فرد شکل گرفته است، اما باید متذکر شد که اساس و پایه آن همواره بازتاب واقعیت بوده است.

واژگان کلیدی: ای.ف. آنسکی، هنر، شعر، واقعیت، رئالیسم، شعر روسی، فضای شاعرانه.

1. E-mail: uliana_novik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6396-4419>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

2. E-mail: asghar_ghodrati@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-6803-8211>